

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ

НЕ ТАКИЕ УЖ ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ...

ОБ «ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ЧАСТИЦАХ» СЕМЕНА АЛЕКСАНДРОВСКОГО

О жизни спектакля многое может сказать афиша театра. В апреле в новосибирском театре «Старый дом» спектакль, вышедший полтора года назад, значится в афише один раз, второй и третий сыграли в Москве, в рамках фестиваля «Золотая маска», в мае – он также прошел один раз, и это тоже фестивальныи показ, в июне его уже нет.

Из Москвы в Новосибирск спектакль возвращается без «масок», хотя выдвинут был троекратно – прежде всего, как лучший спектакль малой формы; в режиссерской номинации Семена Александровский в этом году стоял в списке из 22 претендентов на эту награду (ниже по алфавиту – Бутусов, Гинкас, Женовач, Кастеллуччи, Могучий, Фокин; проиграть не стыдно); экспертный совет «Золотой маски» номинировал и работу художника Леши Лобанова.

Можно сказать, что «Элементарные частицы» в Москве ждали. Я лично ждал, поскольку первые, весьма и весьма одобрительные отзывы о нем в столичной прессе появились почти сразу после премьеры и сам спектакль уже обещали показать в Москве около полугода назад, на другом фестивале, но что-то тогда помешало, кажется, бюджет не позволил.

На сайте новосибирского театра «Старый дом» написано, что «Элементарные частицы» были «самым необычным проектом 81-го сезона», «спектакль о мифологии и истории Академгородка». Ту же мысль про мифологию и историю можно вычитать и в листовке, которая распространялась на спектаклях в Москве: «Это первая попытка театрального осмысления “биографии” одного из важнейших исследовательских пространств Новосибирска и России. Специально для этого проекта Вячеслав Дурненков, обладатель всевозможных наград в мире современной драматургии, написал текст, основанный на архивных документах, книгах и интервью с известными жителями Академгородка».

Как раз осмысления я лично и не обнаружил, хотя честно отсидел весь спектакль,

недолгий – он идет около часа, стараясь не пропустить ни слова. Это было непросто, поскольку из пяти занятых артистов трое имели проблемы с речью, те или иные досадные изъяны. Хотели таким образом приблизить героев к жизни? Но в жизни у людей дефекты речи встречаются, по моему опыту, не так часто. Почему-то, с какого-то момента стало модно искать не-играющих актеров, которые бы на сцене ничего не делали так, как в жизни. Это, может быть, интересно – в теоретическом плане, в плане сравнения, поиска новых средств, например, но все-таки вряд ли кто-то из нас согласится лечь на операционный стол к человеку, который этим искусством не владеет, а еще лучше – чтобы и не учился. Даже с водопроводчиком, по-моему, такое не прокатит. То есть отказ от ремесла почему-то решили начать именно с театра, хотя как раз в театре у нас, как известно, особые требования к вопросам соцзащиты. Все это уже не имеет прямого отношения к «Элементарным частицам», хотя одно связано с другим. Если вы считаете возможным выпускать на сцену людей с дефектами речи, не способных проявить элементарные основы актерской профессии, будьте готовы к тому, что завтра от такого театра отвернутся не только зрители, но и те инстанции, которые пока что не отказались от своей обязанности платить за эту, по-моему, сомнительную музыку.

Я люблю новосибирский Академгородок, не только потому, что там родилась жена Оксана, хотя, именно она когда-то провела меня по нему и показала замечательные его красоты. Сосновые леса, посреди которых вдруг открываются двухэтажные коттеджи, построенные

для академиков, с гаражами на два автомобиля. Замечательная библиотека, в которой работает ее мама, институты с кружащими голову названиями. Институт катализа им. Г.К. Борескова или Институт химической кинетики и горения им. В.В. Воеводского... Потом несколько раз мы ездили отдыхать на базу Института археологии Сибирского отделения РАН на Алтай, в Денисову пещеру, где академик А.П. Деревянко откопал человека, которого теперь весь мир называет денисовским. Я никогда не собирался писать пьесы или исследования о новосибирском Академгородке, но интересных историй слышал немало, замечательных историй о замечательных и даже легендарных людях, некоторые из которых – готовые сюжеты, не только для небольшого рассказа.

Спектакль, а до него и пьеса Вячеслава Дурненкова построена проще, она имеет трехчастную форму. В первой части пятеро актеров сидят и говорят в сослагательном наклонении о том, какой рай для ученых они собираются построить (здесь важно, какую непростую работу пришлось проделать драматургу, – ведь все это «герои» или прототипы, или – как называют их в документальном театре – доноры им рассказывали как о деле уже решенном, случившемся, то есть рассказывали как об уже прожитом, в прошедшем времени; работа непростая, но, на мой взгляд, бессмысленная). Вернее, кто-то говорит сидя, кто-то – опершись на какую-то перекладину над батареей, вероятно, изображающую здесь подоконник. Обстановка, кое-какие редкие детали, подробности – вроде портрета Хемингуэя, отсылают ко времени действия – второй половине 50-х.

Вторая часть начинается с первыми каплями дождя, который скоро превращается в ливень. Персонажи надевают макинтоши, прячут лица под капюшонами. Им есть чего стыдиться: в этой части следует обмен цитатами из мемуаров, касающихся знаменитого «письма сорока шести» с протестом против нарушения гласности в ходе самого крупного судебного процесса над московскими диссидентами – А.И. Гинзбургом, Ю.Т. Галансковым, А.А. Добровольским и В.И. Лашковой. Адресованное Верховному суду РСФСР и Генеральному прокурору СССР, оно было

Сцена из спектакля.
Фото Ф. Подлесного

прочитано по «Голосу Америки», после чего многие из подписантов пострадали. Одних исключили из партии, других из комсомола. Не все, но многие были уволены с работы.

Когда дождь проходит, начинается третья часть. На освобожденной от остатков мебели площадке те же самые молодые люди снова говорят о науке, но теперь без всяких мечтаний о рае на земле, просто делятся научными планами. Из декоративного оформления на сцене – чахлые сосновые стволы в правой части сцены и во весь задник – белый экран, на котором (при уже разговаривавшихся актерах) мы видим только мебель и дерева. Герои появляются на экране постепенно, один за другим. Когда и тут, и там все наконец в сборе, картинка переходит в режим онлайн-трансляции.

Я не педант, потому не стану апеллировать к тому, какие функции в трехчастной (музыкальной) форме имеет каждая из частей. Экспозиция, средняя часть, реприза, где всегда автор возвращается к главной теме... Бог с ними! Хотя от Вячеслава Дурненкова, который в конце спектакля вышел на сцену, то есть как бы согласился со всем происходящим, подписался под «текстом», от него – автора многих

хороших пьес – мне казалось, были основания ждать большего уважения к законам театра, которые, конечно, меняются, но не отменяются.

Вот в первой, к примеру, части исполнители обмениваются репликами. Не разговаривают, а именно обмениваются репликами – один произносит фразу, ставит точку и как бы передает эстафету другому. И так – от точки до точки. Мертвые диалоги несуществующих людей.

Была когда-то давно такая советская песня, «Родина моя». Хор, который ее исполнял, выдавал каждому по слову, по два, по три: «Я, ты, он, она, вместе – целая страна, вместе – дружная семья, в слове “мы” – сто тысяч “я”...». Там был понятен принцип, был смысл в этих выкрикиваниях, тут – одинаково бесцветные голоса, зачем-то усиленные в камерном пространстве микрофонами, еще больше обезличивающими речь, этот смысл отыскать не давали. Авторы намекают, что Академгородок – детище людей безликих? Кажется, нет. Если эти люди – такие неинтересные, к чему печалиться, что они потом совершают глупость и – по глупости – страдают? Первый шаг обесмысливает второй.

Тут – какое-то, простите, невнимание к человеку, не к конкретным людям, все это придумавшим – идеалистам, мечтателям, гениям. А к людям вообще. Взгляд свысока, который редко позволяет увидеть достоинства в собеседниках. Не интонированная речь выглядит как отсутствие интереса к истории и к ее участникам. Они – ее герои – были прекраснодушными, наверное, но точно не были идиотами. Вообще все такие истории интересны, лишь когда дают в итоге возможность понять других или другого. Взгляд сверху такому пониманию противится, мешают ему.

Важно ведь, что все эти прожекты, безумные фантазии принадлежали конкретным людям. Но в «Элементарных частицах» нет ни одной фамилии, и слово в этой истории никак не связано с реальной жизнью, с реальными людьми. А если этого нет, то и переживать не за кого и незачем.

Когда в третьей части герои начинают говорить про науку по-научному – про «линейное программирование», например, – очень часто слышно (а это слышно), что исполнители

не очень понимают смысла красивых и умных слов, но произносят их с упоением.

Режиссер Семен Александровский уже выступал как специалист по «эксгумациям» древних сюжетов. В «Группе юбилейного года» в Театре на Таганке из четырех ее свершений он сделал два спектакля – «Присутствие» (о «Добром человеке из Сезуана») и «Радио Таганка»; в Москве, в рамках все той же «Маски», можно было увидеть еще один его документальный проект – «Топливо». История одной карьеры, довольно-таки занимательная, хотя исполненная также с пренебрежением к самым простым законам сцены (сложными техническими возможностями режиссер при этом не пренебрегает). Поскольку двух упомянутых спектаклей на Таганке я не видел, заочно к Александровскому я относился очень хорошо.

С таким настроем я и пришел на «Элементарные частицы». Три номинации, известный театр, известные и даже уважаемые драматург и режиссер. В лонг-листе «Золотой маски» – почти двести лучших спектаклей России, а этот – вошел в короткий список из самых лучших... И что же?!

Впору подозревать, что это – диверсия, а если нет, то чья-то дурацкая шутка... Единственной отрадой стало то, что рядом сидевшие люди, которые заплатили по полторы тысячи за билет, возмущались, что аплодисменты были жидкими и недолгими. То есть не было ощущения, что за годы нынешней «Маски» публике уже абсолютно задурили голову.

«Разумеется, наш спектакль – это, прежде всего, рассказ о людях», – говорит драматург в своем вступительном слове. Конечно, я знаю, что не надо верить ни единому высказыванию режиссеров и драматургов о своих спектаклях или фильмах. Нет ничего глупее, чем пытаться схватить их за руку, но как тут не заметить, что единственное, чего в этом спектакле точно нет, – это интереса к людям, совершенно конкретным, с именами-фамилиями и конкретными поступками... А из рассказа о людях со сцены вообще никогда ничего путного не выходит.